

Эндрю Клейвен — самый оригинальный американский романист
в жанре детектива и интриги после Корнелла Вулрича.

Стивен Кинг

Эндрю
Клейвен
Когда
приходит
Рождество

Corpus

Эндрю Клейвен

Когда приходит Рождество

Серия «Кэмерон Уинтер», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69802306

Эндрю Клейвен. Когда приходит Рождество: Издательство АСТ:

CORPUS; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-156784-2

Аннотация

По просьбе бывшей любовницы Кэмерон Уинтер, преподаватель английской литературы, берется доказать невиновность Трэвиса Блэйка, признавшегося в убийстве своей девушки. Все улики указывают на Блэйка, и помощь Уинтеру может разве что рождественское чудо.

В ходе расследования профессор Уинтер сталкивается с призраками из собственного прошлого. Если ему удастся разгадать тайну этого маленького городка, возможно, получится избавиться и от демонов в своей душе.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Пролог	7
Часть 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эндрю Клейвен

Когда приходит Рождество

© Andrew Klavan, 2021

© М. Черемисина, перевод на русский язык, 2023

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2023

© ООО “Издательство Аст”, 2023

Издательство CORPUS ®

* * *

В идиллическом городке на берегу озера, украшенном рождественскими огоньками, жестоко убита школьная библиотекарь, юная Дженнифер Дин. Ее бойфренд Трэвис Бл-

эйк признается в содеянном, однако что-то здесь не сходится... Блэйк – рейнджер в третьем поколении, служивший в Афганистане и награжденный орденом. Разве мог столь уважаемый человек совершить такое гнусное преступление? Тридцать шестой роман Эндрю Клейвена – это зимняя сказка о семье, традициях и призраках из прошлого.

* * *

Эндрю Клейвен – самый оригинальный американский романист в жанре детектива и интриги после Корнелла Вулрича.

Стивен Кинг

Клейвен представляет очередной первоклассный триллер! Захватывающее чтение, а также прекрасный рождественский подарок.

Брэд Тор

Эндрю Клейвен – удивительный рассказчик, каждая его книга наделена живой сущностью. Я жду его книг с таким же нетерпением, с каким в детстве ждал Рождества. “Когда приходит Рождество” – чудесный, захватывающий роман, чистое удовольствие.

Дин Куни

“Когда приходит Рождество” – идеальный детективный роман для зимнего сезона. Вы не скоро его

забудете.

BOOKREPORTER

* * *

Посвящается Т. К.

Прошлое – это другая страна.
Л. П. Хартли
“Посредник”

Пролог

С наступлением вечера этот заснеженный городок возле озера становился похож на мечту о доме – давно утраченном доме, который вспоминаешь с нежностью. Даже на расстоянии, если смотреть с ближайшего холма, можно было увидеть разноцветные рождественские гирлянды на деревьях, выстроившихся вдоль главной улицы. Украшения на некоторых домах, что были поблизости, искрились и сверкали. И как только начинало темнеть, загорались уличные фонари, и сердце города мягко выплывало из тени, сияя серебристым и золотистым светом.

– На фоне стремительно меняющейся Америки Свит-Хэйвен напоминает фотографию из прошлого, – раздался за кадром мужской голос. – Рождественская открытка из тех времен, когда жизнь была проще.

Камера отъехала назад, и говорящий появился на экране. Молодой мужчина с тонкими светлыми волосами – корреспондент из столицы штата. На нем было темное зимнее пальто и шарф в клетку. Щеки порозовели от холода. Он говорил в микрофон, который держал в руке, а позади него виднелся город – весьма живописный фон.

– Между Форт-Андерсеном американской армии и Свит-Хэйвен лишь двадцать миль, и все же этот город можно назвать оплотом патриотизма и проверенных временем ценно-

стей. Здесь поселились многие деятельные военные в отставке, чтобы создать семью. Но сегодня, – продолжал он, – спокойствие этого местечка было нарушено арестом одного из любимых сыновей Свит-Хэйвен.

Пока корреспондент говорил, на экране показывали видео: несколько сотрудников полиции толкали мужчину в наручниках к полицейскому участку. За арестованным наблюдала толпа прохожих. Вид у них был мрачный. Некоторые плакали.

– Трэвис Блэйк, рейнджер третьего поколения, который получил орден “Серебряная звезда” за проявление героизма в Афганистане, признался в жестоком убийстве своей девушки, Дженнифер Дин, а также в том, что бросил ее тело в это большое глубокое озеро.

Когда корреспондент назвал имя жертвы, на экране появилась ее фотография. Мужчина, который смотрел телевизор, резко вздохнул и сел ровнее на диване. Во мраке комнаты только экран освещал его лицо. Лицо это было злобное, бездушное. Лицо убийцы.

– Дин, всеми любимая библиотекаряша начальной школы Свит-Хэйвен, встречалась с Блэйком на протяжении нескольких месяцев, но, по словам полиции, отношения между ними стали хуже, когда Блэйка охватила ревность.

Теперь на экране появился Уилл Шеррин, шеф городской полиции. Он говорил с трибуны. Это был высокий, широкоплечий белый мужчина, в целом подтянутый, но уже немного

обрюзгий, с животиком. Он обращался к комнате, полной корреспондентов. Другие люди из полицейского руководства стояли позади него. Мужчины выглядели внушительно, по-военному. И каждый был хмур и расстроен, ведь арестовали одного из них.

– Все мы знаем Трэвиса, – сказал шеф Шеррин. – А еще мы знали и уважали его отца. Семья Трэвиса, как и многие в этой стране, переживала трудные времена, и это сильно на нем сказалось. Мы думали – нет, мы надеялись! – что отношения с мисс Дин помогут ему выбраться из мрака. Но этого не произошло. Случилась настоящая трагедия.

На экране вновь появился корреспондент; вокруг него сгущались сумерки, городок позади сиял еще ярче.

– Рождество уже на пороге, – сказал он. – А этот город будет следить за тем, как один из его героев предстанет перед судом. Ему грозит пожизненное заключение без права на досрочное освобождение.

Сказав это, корреспондент исчез. Затем исчез и город. Мужчина, что сидел на диване, поднял пульт и нажал на кнопку. Телевизор выключился, и комната погрузилась в почти непроглядную тьму. Лишь далекие огни Лос-Анджелеса сияли за окном, поблескивая в глазах зрителя – в этих свирепых глазах – и мерцая на металлическом корпусе “беретты”, девятимиллиметрового полуавтоматического пистолета, который он, как настоящий профессионал, держал в одной руке.

Часть 1

Заговор против времени

Рождество перестало быть для меня чем-то важным после того, как умерла Шарлотта. Она дарила мне праздник, а теперь, можно сказать, забрала его с собой. Но каждый раз, когда наступает Рождество, я думаю о ней.

Мы познакомились еще детьми. Мне тогда было семь, а ей, кажется, девять. Не сказал бы, что я был счастливым ребенком. “Уныние во плоти”, так однажды назвал меня отец. Думаю, он был прав. Серьезный. Тихий. Бдительный. Грустный. Здесь подошло бы слово “меланхолия”.

Мой отец работал в финансовом секторе, что бы это ни значило. Я никогда не знал, чем именно он занимается. Да мне и не нужно было. Я только знал, что он унаследовал состояние и преумножил его – и все. А моя мать – у нее были разные хобби, небольшие творческие проекты, которые она время от времени пыталась превратить в бизнес. У нас был таунхаус в городе, а еще загородный особняк у воды. Я занимался с частными учителями, летал на частных самолетах, мне устраивали праздники в магазинах игрушек и парках аттракционов, которые можно было арендовать на день рождения.

Бедный маленький богач, вот кем я был. Но, по правде го-

вора, лучшие всего я запомнил то, что был одинок. Все эти праздники: приходили дети – “твои друзья”, как говорила мама, – а я ведь даже не знал, кто они такие. У родителей не хватало на меня времени. Всякий раз, когда они натыкались на меня в какой-нибудь комнате, они так изумлялись, как будто совершенно забыли, что я живу с ними в этом доме. А если мама видела, что я один, ее глаза расширялись в дикой панике. “Где няня?” – спрашивала она, а голос у нее такой напряженный, пронзительный, почти истеричный. И когда няня возвращалась, мама тяжело выдыхала от облегчения и говорила: “О! Вот она где!” На секунду она, видимо, пугалась, что ей придется присматривать за мной самостоятельно.

Когда мне было лет пять, моей няней была невзрачная маленькая немка по имени Мия Шейфер. Прошло лишь несколько месяцев, как она приехала в Америку, и мы взяли ее к себе. Она уехала с семьей из восточной части после того, как развалился Советский Союз и пала стена.

Мия была незамужней женщиной с седыми волосами – такая маленькая, худая и тихая. Ее тевтонская строгость и точность смягчались огромными запасами материнской нежности, а также тонким чувством юмора – она могла поддразнить, но делала это мягко. Я не мог дать ей любовь, которую она заслуживала, ведь она не была моей матерью. И вот я сдерживал свои чувства, надеясь, что однажды мама придет и поймет, что вообще-то она действительно хо-

чет заботиться обо мне.

Но у меня была только Мия, преданная мне няня. И я мог этого тогда не знать, не ценить, но забота, доброта и даже ее любовь были единственной пищей для моего детского сердца.

Так, я вообще-то говорил про Рождество. У нас дома это событие выглядело довольно жалко. Родители не отличались религиозностью, так что в этом не было ничего особенного, никакого скрытого смысла. В основном все просто сводилось к замысловатым украшениям, и почему-то все было белым-бело. Вечерами устраивались модные вечеринки, на которые меня никогда не звали. Разумеется, подарками меня просто заваливали, но зачем они мне? У меня же и так все было. По правде говоря, самое раннее мое воспоминание – это как я сижу в своей комнате, смотрю какую-то рождественскую передачу и мечтаю оказаться там, в телевизоре, вокруг меня декорации в викторианском стиле, а я пою рождественский гимн под искусственным снегопадом. Я хотел быть членом той семьи, чтобы вместе с ними стоять в разноцветных свитерах и вязаных шапках и петь песни.

Однажды на Рождество мои родители получили приглашение от каких-то друзей из Англии. Это были, насколько я понял, важные люди. Настоящие аристократы с титулами и всякое такое. Один из них даже был кем-то из королевской семьи.

Моя мама была очаровательной и элегантной женщиной,

но внутри она скрывала девочку со Среднего Запада, которая принадлежит среднему классу. Она всегда была немного карьеристкой, ослепленной светом высшего общества. Так что для нее это приглашение было сродни приглашению на небеса. И она очень не хотела, чтобы я пугался под ногами.

Поэтому меня отправили на каникулы к Мие и ее семье. “Разве не здорово?” – говорила мама.

И знаете что? Правда было здорово! Думаю, я никогда раньше так не веселился.

Мия жила недалеко от города – всего полчаса езды. Дома там были небольшие, но весьма приличные. Газон подстрижен. Окна помыты. Там селились люди, которые вцепились в свой средний класс и ни при каких обстоятельствах не собирались его отпускать.

Мия жила в маленьком двухэтажном доме с серой черепицей. Он стоял на небольшом клочке травы рядом с другими такими же домами. Она жила со своей семьей – все они были беженцами из старого коммунистического мира. Ее старшая сестра, Клара, работала помощницей в местной больнице. Она была суетлива, не без своих причуд, но сердце у нее было доброе. Младший брат, Альберт, был крепким, практичным и надежным парнем. Он работал охранником в административном здании в городе. А еще он был вдовцом. Как я понял, его жена умерла до того, как они приехали в США. Но у него осталась дочь, она жила с ними. Шарлотта.

Не будет преувеличением, если я скажу, что никогда не

видел никого прекраснее Шарлотты ни до, ни после нашей встречи. Стройная блондинка с идеальными чертами лица и бездонными голубыми глазами, она была похожа на китайские фарфоровые статуэтки, которые собирали Мия и Клара. Они стояли у них по всему дому. Думаю, вы видели такие штуки – эти ангельские баварские детишки, которые одеты в ледерхозе и дирндль. Вот Шарлотта была похожа на них.

Но я не считаю, что влюбился в нее с первого взгляда именно по этой причине. Не только поэтому.

Просто она во многом была похожа на Мию – вообще, она была в точности как она, вот только я не скрывал от нее свои чувства, ведь она проводила время рядом со мной не для того, чтобы заменить мне мать, как Мия. Кроме того, она была ее уменьшенной копией: серьезная, аккуратненькая домохозяйка, которая вечно чем-то занята и делает все с таким же перфекционизмом, с таким же материнским теплом и нежностью во взгляде, и уголок губ так же изгибается в поддразнивающей улыбке – все как у Миши. Я полюбил ее почти сразу же, как увидел.

Когда я приехал, мне поручили помогать Альберту. Мы вместе затащили елку в дом, повесили на нее гирлянду и дешевые украшения. Мы собрали игрушечную железную дорогу на ломберном столике в гостиной, запустили паровоз, который все кружил вокруг пластиковой немецкой деревушки, что мы поставили возле путей, а затем украсили все пено-

пластовым снегом. А еще мы таскали дрова в дом, и Альберт учил меня разжигать огонь в камине.

В это время Мия, Клара и Шарлотта были на кухне – они готовили рождественское печенье и запекали ягненка с картошкой. Шарлотта выглядела просто изумительно в своем безупречном фартучке, а запах-то какой был... Божественный! И музыка просто божественная. Она мне очень нравилась. У них был портативный проигрыватель дисков, подключенный к паре никудышных колонок, из которых лилась попсовая, сентиментальная рождественская музыка в исполнении эстрадных певцов последнего поколения. Мне каждая песня казалась по-своему очаровательной!

Но больше всего меня поражало то, каким осязаемым было тепло этой семьи. Мои родители вечно торопились и важничали. Они всегда были такими утонченными, сдержанными и почтительными. Мы вежливо разговаривали. Кивали друг другу с вялой, холодной улыбкой. Но здесь, в доме Миш, можно было подразнить друг друга, пошутить, а то и даже повздорить. И при этом здесь царил веселье! Дамы обращались с нами, джентльменами, так, словно мы были чем-то средним между рабами и королями. С одной стороны, они постоянно раздавали нам поручения, отправляли нас по разным делам – еще раз сбежать в магазин, потому что они что-то там забыли купить. Но, с другой стороны, они так для нас старались! То и дело принесут нам что-нибудь перекусить или попить. Мы сидим за столом,

как короли, а они накрывают. И как только мы поедим, они приказывают нам сидеть и отдыхать, пока сами убирают со стола и моют посуду.

Альберт относился к командирским замашкам дам и их заботе с терпеливой доброжелательностью. И, судя по блеску в его глазах, считал себя самым счастливым человеком на свете. Было совершенно ясно, что его любят. А Шарлотта так вообще его идеализировала. Что бы она ни делала, она хотела показать это папе. “Смотри, что я сделала, пап!” А если нужно было поставить перед ним тарелку или стакан, она умоляла тетюшек, чтобы они разрешили это сделать ей – и только ей!

Каждый вечер после ужина Альберт устраивался в своем роскошном кресле возле камина в гостиной. Он курил трубку, читал газету и иногда попивал пиво. А когда нам с Шарлоттой пора было ложиться спать, мы приходили, усаживались на полу возле него, по-индийски скрестив ноги, он откладывал свою газету, делал музыку, которая играла непрерывно, потише и рассказывал нам истории. Я помню, что они были хорошие, хотя это единственное, на что я мог обратить свое внимание, чтобы не отвлекаться на красоту Шарлотты – ее по-настоящему идеальное лицо было обращено к отцу, и оно светилось от почти религиозной преданности. На ее чуть румяные щеки ложился свет от огня в камине, а голубые глаза искрились. Я просто не мог на нее не поглядывать!

Но все-таки одну историю Альберта я помню. По правде говоря, я помню ее слово в слово. Кажется, он рассказал ее в канун Рождества. Да-да, точно, мы ведь еще в церковь ходили перед ужжином. Тогда я впервые побывал в церкви и почувствовал благоговение и всю серьезность торжества. Помню, когда мы с Шарлоттой уселись на полу возле Альберта, он наклонился к нам, прямо так и наклонился со своей трубкой, держа ее за ухом, чтобы дым не попал нам в лицо; наклонился он с таким серьезным выражением, хотя его глаза улыбались, и сказал с сильным немецким акцентом: “Ну что ж, *lieblinge*¹, как вы знаете, уже канун Рождества, и мы просто не можем обойтись без истории о призраках. Что думаете? Мы очень сильно испугаемся?”

Мы были детьми, а потому хоть и дрожали, но с серьезным видом мотали головой. Я почти ощущал свой трепет на вкус – восхитительно!

Это случилось, по словам Альберта, когда он был молод и работал на “ФоПо”, народную полицию в Бранденбурге-на-Хафеле. Он рассказал, что это произошло в точно такой же канун Рождества, и тогда было так же темно и снежно. Над рекой клубился туман, расстилался над узкими мощеными улицами города. И улицы эти были белые, сырые и совсем безлюдные, ведь близилась полночь, и все лежали в постели, ожидая рождественского утра.

Только Альберт был на улице – ни один фонарь не горел,

¹ Мои дорогие (нем.)

и путь сквозь туман ему освещал лишь его тусклый желтый фонарик. Звук его шагов эхом разносился по пустынным улицам. Он весь замерз и промок, уже хотелось поскорее закончить обход и пойти домой – съесть тарелочку супа и лечь согреться в постель.

Но стоило ему пройти под аркой, где тень была еще темнее, как возле его шеи повеяло холодом. И он вдруг почувствовал, что кто-то идет позади.

– Я обернулся посмотреть, – говорил он, – направил фонарик вперед, но свет едва ли просачивался сквозь такой мрак. Я ничего не увидел.

Чуть позже он вышел на узкую тропинку, что вилась вверх на холм. Но теперь он точно знал, что кто-то идет за ним.

– Я услышал шаги!

Он слышал, что кто-то позади него останавливался в тот момент, когда останавливался и он, и шагал тогда, когда он продолжал идти.

Альберт снова обернулся, светя фонариком.

– Кто здесь? – крикнул он в туман и снежный вихрь.

Ему никто не ответил. Но затем Альберт услышал приглушенный звук. Сперва совсем тихий. Затем звук стал громче, ближе.

Кто-то плакал. Девочка.

– Я снова крикнул, – продолжал он, наклонившись к нам еще ближе. – И снова они! Шаги. Я стоял и смотрел, как

ко мне кто-то приближается, как этот кто-то выплывает из снежного вихря, который уже давно окутал мраком черный-пречерный сочельник.

Он увидел силуэт. Плач становился все громче.

– Эй! Что случилось? – кричал он.

Плач все громче и громче. Очертания силуэта постепенно обретали форму, пока он не увидел в ней четкую фигуру. Это была девушка.

Альберт, замерев, смотрел на незнакомку, и наконец она вышла из тумана на свет. Теперь он хорошо ее видел.

Он уж собирался снова крикнуть, но не смог – так и стоял с раскрытым ртом, глядя на нее.

На вид девушке было лет шестнадцать. Миленькая, с длинными каштановыми волосами, прилипшими к заплаканному лицу. И одета она – вот что его удивило больше всего! – в одну лишь испачканную сорочку, которая совершенно не согревала ее в столь сырой и холодный вечер.

– *Mein Gott!*² Ты вся продрогла, *fräulein?*³ – спросил Альберт. – Что ты делаешь здесь так поздно? Где ты живешь?

Она ответила только на последний вопрос.

– Я живу на холме, там, за деревьями.

Она шмыгнула и вытерла слезы с щек.

– Туда, через парк? – спросил Альберт, указывая в сторону небольшого леса.

² Боже мой! (нем.).

³ Обращение к молодой женщине.

Девушка кивнула.

– Ну, тогда пойдём. Я отведу тебя домой.

Она снова кивнула, и они вместе пошли вверх по холму прямо к парку.

– Как тебя зовут? – спросил её Альберт.

– Аделина. Аделина Вебер.

– Тебе холодно, Аделина?

– Да. Очень холодно.

Он снял пальто и накинул ей на плечи. Она дрожала, кутаясь в него и пряча шею.

– Очень холодно, – повторила она.

Шли они молча. Он чувствовал, что ей не хочется разговаривать, но он же полицейский – понимал, что должен разобраться, как она оказалась на улице в таком виде.

Они подошли к парку. Ступили на тропинку между деревьев – таких голых, заснеженных.

Он понимал, что все-таки нужно заговорить с ней.

– Почему ты здесь совсем одна ночью, fräulein? – спросил он немного погодя. – И почти без одежды...

Девушка перестала плакать. Она сильнее вжалась в воротник пальто и несчастно посмотрела на туман, который окутывал их со всех сторон.

– Я вышла на встречу с любимым, – начала она.

– Понял.

– Его зовут Иоганн.

– Иоганн, значит. И где он?

– Убежал.

– От тебя убежал? – спросил Альберт, с удивлением глядя на нее.

Девушка покачала головой.

– Нет, от моего отца.

– А, получается, твой отец узнал о вас.

Она кивнула, но ничего не ответила. Альберт понимал, что лучше оставить эти расспросы на некоторое время.

Далее они шли молча. Подъем между деревьев становился еще более крутым. Вскоре они вышли из леса на тропу, что вела между рядами домов. Они взбирались на холм, и Альберт стал различать очертания окутанной туманом готической церкви на самой вершине. Он увидел башню из красного кирпича странной формы. По всей длине она была квадратная, но вершину украшал шар и конический медный шпиль зеленого цвета. Темная фигура сооружения выплывала из ночной белизны.

Альберт повторил вопрос:

– Так, значит, твой отец узнал о вас? О тебе и Иоганне?

Девушка печально ответила:

– Это Иоганн... Он нас выдал. Сказал что-то... не знаю, что именно, но отец все слышал. Он потом за мной пошел, когда я из дома улизнула... Ну и нашел нас. Вдвоем.

Альберт все ждал, когда она продолжит, но она молчала. Поэтому он настойчиво спросил:

– Твой отец рассердился на тебя? Запретил возвращать-

ся домой?

Альберт уже начал думать, не придется ли ему сейчас разрешать семейные конфликты, прежде чем он закончит обход.

Но девушка мягко сказала:

– Пришли.

Они остановились. Наконец добрались до вершины. Но поблизости не было ни одного дома. Перед ними стояла лишь невысокая ограда, а за ней – кладбище. Готическая башня мрачно взирала на них из-под снега.

Альберт в смятении осматривался, взгляд бегал по покосившимся надгробиям.

Стоя рядом, девушка тихо произнесла:

– Он не прогонял меня... Нет, мой отец не прогонял меня. У него был нож. И он ударил меня. Ударил ножом в сердце.

Снег все падал. Альберт повернулся, чтобы взглянуть на девушку, и застыл в оцепенении.

Она исчезла. Пальто лежало на камнях у его ног. Смятое, одинокое, но чуть приподнятое, как будто девушка просто растворилась.

Он крикнул: “Аделина!” Но в ответ ему лишь завывал ветер. Альберт задрожал. Без пальто очень холодно. Не хотелось бы простыть. Не прекращая звать девушку, он поднял и надел пальто. Прошло уже полчаса, а он все звал и звал. Ответа не было. Тишина. Она просто испарилась.

В конце концов ему пришлось оставить все попытки най-

ти ее. Так что он ушел домой.

Найти ее удалось только на следующее утро. Он вернулся к церкви, прошелся по кладбищу и остановился у средневековых могил. На одном полуразрушенном надгробии было ее имя: Аделина Вебер.

Надгробие это стояло на могиле, в которой ее похоронили после того, как более чем двести лет тому назад ее убил собственный отец.

1

Закончив рассказ, Кэмерон Уинтер отвернулся, и его голос растворился в тишине. Некоторое время Маргарет Уитакер молча на него смо-трела. Между их стульями было небольшое расстояние.

Маргарет шестьдесят семь. Она психотерапевт уже почти сорок лет. Она видела многое, слышала и того больше, а потому считала, что прекрасно разбирается в людях. Но этот человек... Он оставался для нее загадкой.

Маргарет считала его привлекательным. Да, он был действительно привлекательным, ну или, может, в нем были такие черты, которые ей всегда нравились. В ее лета живут не страстями, а головой, как писал Шекспир⁴. Но она все равно ощущала особое притяжение. Уинтеру было около трид-

⁴ “Гамлет” – трагедия Уильяма Шекспира. [Прим. пер.]

цати пяти. Мужчина среднего роста, хорошо сложен: плечи широкие, талия узкая. А вот лицо его было неземным, даже божественным, но при этом решительным и мужественным. Это было ангельское лицо, которое обрамляли длинные вьющиеся золотистые волосы, ниспадающие вниз и прикрывающие уши – словно он сошел с картин эпохи Ренессанса. На нем были очки в тонкой оправе и твидовый пиджак с заплатками на локтях – форма профессора колледжа, кем он и работал, судя по его словам. Но было в нем нечто такое, что не свойственно профессору. Нечто в его глубоко печальном и пристальном взгляде. В сильных и готовых к чему-то руках... Нечто...

– Зачем вы рассказали мне эту историю? – спросила она. Ей было действительно интересно.

Он задумчиво смотрел в окно, за которым цветными рождественскими огнями мерцала небольшая улица с магазинами и закусочными. Глядел на белоснежный купол Капитолия в конце квартала, на то, как мягко кружит декабрьский снег над рекой. Она не могла оторваться от его красивого профиля, пока он бормотал:

– Я тогда не мог уснуть. В смысле, после истории Альберта. Мне хотелось поскорее встретить рождественское утро, но в то же время было так страшно. Я все думал о призрак убитой девушки, которая гуляет по заснеженному городу. Сна ни в одном глазу, и я все метался на кровати, изучал тени – не прячется ли в них что-то пугающее... Так хотелось

позвать Мию, мою няню, чтобы она пришла и успокоила меня. Но я боялся, что Шарлотта услышит. Я как представил, что она поймет, какой я трусливый мальчишка, – нет, сама мысль меня ужасала!

Он повернулся к Маргарет, и она снова ощутила всю силу его притягательности. Тепло мягко растекалось по всему телу. “Боже мой!” – мысленно воскликнула она.

– Но Шарлотта точно слышала, – продолжал он. – Она точно слышала, как я ворочался. А потом дверь в моей комнате медленно открылась. В коридоре горел свет, и я лежал, не отрывая взгляда от проема двери, ожидая, что там вот-вот появится призрак Аделины Вебер. Но вместо нее в комнату зашла малышка Шарлотта – серьезная, похожая на маму девятилетняя Шарлотта. Она ничего не сказала. Ни единого слова. Только села на край кровати... Села и мягко похлопала меня по руке. Тихонько убаюкала меня, и я все-таки уснул.

Воцарилась тишина. Маргарет старалась неотрывно смотреть ему в глаза – взгляд у него и грустный, и шуточный, и чувственный.

– Обычно люди приходят ко мне, когда у них проблемы, Кэмерон, – сказала она.

– Да. Я знаю.

– Знаете. Но тем не менее вы приходите в мой кабинет, садитесь и рассказываете мне эту историю. И я все равно никак не могу понять, зачем вы пришли.

Он чуть вздернул подбородок и задумался.

– Я пришел, чтобы... – начал он и вдруг замолчал, будто подбирая нужные слова. Наконец он сказал: – Я пришел, потому что мне тоскливо.

– Вы хотите сказать, что у вас депрессия?

– У меня эта... меланхолия. Она бесконечная. И с каждым днем все хуже и хуже.

– Я понимаю.

– Правда? – с удивлением спросил он.

– Да. Вы думаете, ваше состояние связано с тем Рождеством, которое вы встретили у няни дома?

Он пожал плечами.

– Просто вспомнил. Смотрю в окно, а там снег идет, огни горят, вот я и вспомнил. Мне казалось, что я должен озвучивать первое, что приходит мне в голову.

– Нет, я работаю немного иначе.

– А-а... Извините.

– Но все равно расскажите поподробнее. Про свою меланхолию, например. Как у вас дела на работе? Вы не утратили интерес к своей деятельности? – спрашивала Маргарет. – Вы сказали, что преподаете в университете.

– Я доцент. Английская литература. Поэты-романтики... Эта тема умирает, так что да, это меня правда угнетает. Угнетает, что мой предмет изживает себя.

– Что насчет секса?

– Это очень мило с вашей стороны, но мне кажется, что в

данных обстоятельствах заниматься этим будет неэтично.

Маргарет слабо улыбнулась, как она обычно улыбалась мужчинам, которые приходили к ней на прием и шутили подобным образом.

– Вы не утратили интерес к сексу? – спросила она.

Он вздохнул.

– Да нет. С сексом все в порядке. А вот отношения меня не интересуют. Мое тело делает то, что должно делать тело, но душа его покинула. Смысл пропал. Почему вы так долго смотрите на мои руки?

Столь неожиданный вопрос застал Маргарет врасплох. Она опытная наблюдательница, но большинство ее клиентов очень озабочены своими проблемами, а потому не замечают, что она внимательно их рассматривает.

Она ответила не сразу. Сперва сложила пазл из своих наблюдений. Его руки в мозолях, две костяшки пальцев немного припухли. Да, она уже видела нечто подобное. Это следы ударов по дереву, отжиманий от асфальта на кулаках. Этот человек – серьезный мастер боевых искусств. Он не просто спортсмен. Самый настоящий боец. Первое впечатление о нем сложилось сразу: мужчина, что сидит напротив в ее кабинете, опасен, он может причинить людям боль. Но она сомневалась, что он сделает больно ей. На преступника он не похож. Точно нет. Но и военной выправки не видно. Тогда... Кто же он такой?

Молчание длилось очень долго. Наконец она спросила:

– Ваши руки не выглядят как руки профессора, не так ли? Кажется, он задумался над ее словами. И тихонько хмыкнул.

– А вы не слышали обо мне в новостях?

– Я не смотрю новости, – сказала она. – Они меня огорчают.

– А имя мое не пробили? Не слышали о похищении у озера в пригороде? Или о пропавших во время беспорядков детях?

Маргарет покачала головой.

Ковер, мебель и обои в ее кабинете были разных оттенков коричневого и рыжеватого цветов. Повсюду висели фотографии с безмятежными видами загородной жизни: вот закат над водоемом, а вот цветы в поле. Все тут украшено таким образом, чтобы обстановка внушала спокойствие. Но теперь, когда этот привлекательный мужчина в твидовом пиджаке, он же Кэмерон Уинтер, сиделся то так, то этак, меняя позы, все это старательно выстроенное спокойствие рассыпалось на кусочки из-за его ритмичных сдержанных движений и закипающей внутри жестокости, которую эти движения как раз и скрывали.

– У меня... – начал он спокойно. – У меня необычный склад ума.

– В самом деле?

– Я узнаю о разных событиях. Слушаю то, что мне рассказывают. Или смотрю новости, читаю разные истории в ин-

тернете. И иногда я представляю себе, что иду к ним. Представляю, будто я там. И находясь там, я начинаю понимать причины некоторых событий. А другие люди не понимают.

– Вы говорите о...

– О преступлениях. В основном. Об ужасных злодеяниях.

И порой, если я все понимаю правильно, я помогаю найти виновника этого ужасного преступления.

Маргарет вылечила столько людей, услышала столько историй про разные ужасы и абьюз, но за долгие годы работы ей впервые пришлось прочистить горло, прежде чем спросить:

– И когда вы находите этих ужасных людей, что вы с ними делаете?

Кэмерон Уинтер улыбнулся.

2

Уинтер вышел из кабинета Маргарет Уитакер и направился прямо к Капитолию. Он пробирался через снегопад, засунув руки в карманы коричневой дубленки и надвинув кепку-уточку пониже на лоб. И правда, на вид он – само уныние во плоти. Но вообще впервые за долгое время он почувствовал, как внутри, словно свеча, разгорается огонек, чтобы осветить тьму в душе. Давненько он не испытывал к кому-либо такого уважения, как к этому терапевту. Давненько ему не нравился кто-либо так же сильно. У него появилась слабая надежда. Возможно, эта женщина поможет ему изба-

виться от тоски – тяжелой ноши, которую он тащит на себе.

Уинтер выглянул из-под козырька кепки и посмотрел на украшенную витрину магазина: там гирлянда горит красным, зеленым, белым и желтым, висят вырезанные картинки и рисунки ангелов и Санты, венки и пластиковые сосновые веточки. И снова он подумал о Шарлотте, но представил ее не такой, какой видел в последний раз. К счастью, он представил ее такой, какой описывал ее только что у терапевта: маленькой домохозяйкой, которая сидит на его кровати и поглаживает его детскую ручку, чтобы он уснул.

Он прогнал от себя это воспоминание, стряхнул его, точно собака воду с шерсти. И мысленно вернул себя в настоящий момент. В реальность, в которой убили Дженнифер Дин.

Уинтер открыл дверь и с удовольствием шагнул в тепло бара “Номад”. Барные стойки и столы – все из темного дерева. Флаги штата развеваются под металлическими плитками потолка. Мозаичный пол весьма замысловатый, но в то же время он добавляет уюта. Клерки уже заканчивают с едой, их пальто висят на стульях, а по телевизорам, что расположены над ними на стене, показывают спортивное интервью. Правда, его почти не слышно.

Виктория Новак сидела одна в дальнем углу и ждала его – прямо как тогда, в старые добрые времена, когда они, студентка и преподаватель, своей интрижкой нарушали закон Божий и человеческий. Подойдя поближе, он мысленно себя исправил. Она же замужем. Теперь ее зовут Виктория Гросс-

бургер.

Виктория улыбнулась и окинула его оценивающим взглядом. Он снял кепку и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. А затем устроился на стуле напротив нее.

– Ого, вы посмотрите! Какой красавчик, с ума сойти можно, – сказала она.

– Я думал, ты меня за ум полюбила, Вик.

– О нет, я тебя полюбила точно не за ум. Он меня как раз пугает!

– Но, тем не менее, ты пришла.

С тех пор как они виделись в последний раз, она мало изменилась. Она была уже не молода, как раньше, и, конечно, утратила свою особую привлекательность, но в ней сохранились живость и жизнерадостность. Глаза сияют под копной черных кудрей. Ее милое радостное лицо в веснушках. И взгляд такой – как у старшеклассницы, которая верит, что в ее жизни все непременно будет хорошо. Вдобавок ко всему у нее были впечатляющие формы, которые могли бы его распалить, если бы он позволил этому огню разгореться сильнее.

Но он не стал этого делать. Подозвал официантку. Заказал кофе. У Вик уже стоял один на столе.

– Так значит, ты сейчас в Свит-Хэйвен? Который у озера? – спросил Уинтер.

Она кивнула.

– Роджер, мой муж, в Форт-Андерсоне заканчивает служ-

бу инструктора. Мы знали, что он там год или два будет работать, и я собиралась искать работу неподалеку. Плюс ко всему, в государственной адвокатуре появилась вакансия. И вот нас там двое, я, считай, целая половина судебного персонала.

– И как тебе, нравится?

Она задумчиво наклонила голову.

– Неплохо. Весьма неплохо, мне кажется.

– Как-то неуверенно ты это сказала.

– Свит-Хэйвен – особое место. Исключительное, я бы сказала. Какие тут чудесные виды! Озеро, холмы. Старинная, чисто американская архитектура. Да тут все такое старинное! Но в хорошем смысле. Безопасное, необычное место. И ценности у людей хорошие. Именно в таком городке хочется остаться, чтобы завести семью.

– Но?..

– Не совсем “но”, просто... База Форт-Андерсон где-то в тридцати километрах отсюда. И это одна из четырех баз, где размещаются рейнджеры – войска специального назначения. Солдаты служат здесь годами, потом, возможно, встречают местную девчонку, женятся и переезжают в Свит-Хэйвен после окончания службы. У них появляются дети, которые затем тоже вступают в ряды армии, становятся рейнджерами. И они тоже встречают девушку, и так далее... Короче, это... Ну, странно как-то.

– Ты хочешь сказать, провинциально?

Официантка принесла Уинтеру кофе и налила Виктории еще. Сделав по глотку, они встретились взглядами. На секунду все их совместные воспоминания – все слова, которые они не сказали друг другу, – можно было увидеть в их глазах.

Виктория звонко поставила чашку на блюде. Отвела взгляд и сказала:

– Рейнджеры – это элита, лучшие из лучших. Они образованны, физически подготовлены – ого-го! В основном это белые ребята, но у них, знаешь, братство, так что если ты оказался в их числе, то неважно, кто ты вообще. Столько мужчин в Свит-Хэйвен служили, столько лет прошло! И теперь весь город как будто создан по их лекалу, если ты понимаешь, о чем я. То есть теперь все мужчины смотрят так же, ходят с такими стрижками, походка, манера речи, даже мышление – все у них одинаковое. Встретишь ты копа, юриста или бизнесмена, и кажется, что каждый из них был когда-то рейнджером. На женщинах это тоже сказывается. Они такие бодрые, здравомыслящие, суперзаботливые американские жены военных. Не скажу, что это плохо, просто... жутковато как-то. Ощущение, будто живешь в городе, населенном клонами.

Уинтер улыбнулся, поднимая чашку, чтобы снова глотнуть кофе.

– Эти мужчины немного напоминают тебя, – сказала Виктория. – Но ты же не был военным, правда?

– Расскажи о Трэвисе Блэйке, – попросил Уинтер. – Ты

выступаешь со стороны защиты?

– Нет, никакой защиты не будет. Он уже признал себя виновным. Вынесение приговора назначено на следующий понедельник. Последнее заседание перед праздниками.

– Девушка, которую он убил, Дженнифер Дин, – она же встречалась с ним, да?

– Да. Она работала в школьной библиотеке. Все ее любили. Говорят, он ее тоже любил.

– Но он признался. Признался, что это он убил ее.

– Да, он и убил, все так, – сказала Виктория. – Люди видели, как она ехала к нему домой. Там никого больше не было. Дочка Трэвиса Лила ночевала у подруги. Утром Дженнифер не пришла на работу, и полиция отправилась к дому Трэвиса. Криминалисты обнаружили кровь Дженнифер на ковре. А также следы крови на его боевом ноже. На пристани была камера видеонаблюдения, и она засняла, как Трэвис тащит свернутый ковер в свою лодку. Ковер-то был небольшой. И когда увеличили изображение, внутри увидели тело Дженнифер.

– И ты можешь опознать ее?

– Конечно. Позже он был замечен в машине Дженнифер. Он ехал к реке. Есть видео и три свидетеля. Полиция прошерстила дно, машину нашли. А спустя две недели его арестовали.

Глотнув кофе, Уинтер удивленно поднял бровь.

– Две недели? Почему так долго?

Лицо Виктории не было создано для грустных улыбок, ведь из-за них оно становилось в разы печальнее.

– Этот парень – самая настоящая королевская особа Свит-Хэйвен, – сказала она. – Его дедушка был в первом рейнджерском батальоне в Италии во время Второй мировой войны. Отец был рейнджером во Вьетнаме. И именно он переехал в Свит-Хэйвен. Обзавелся кучей недвижимости, построил конную ферму на окраине города. Трэвис вырос в типичном Большом доме на холме: портик с колоннами, вокруг целые акры зелени, все такое. У него могла быть простая жизнь. Он мог стать слабохарактерным, избалованным человеком. Наследником, которого испортило богатство. Но нет! Выбравшись из Дартмута, он пошел на службу и стал – кем же еще! – рейнджером. В Афганистане он был настоящим героем, Кэм! Он “Серебряную звезду” получил за то, что в одиночку под шквалом пуль защищал зону посадки. Он этих негодяев сдерживал почти сорок пять минут, чтобы вертолеты могли приземлиться! Двадцать пять товарищей спас. Он спас двадцать пять жизней!

– Поэтому никто не хочет верить, что он виновен, – сказал Уинтер.

Она вздохнула.

– Лучшие полицейские – они все бывшие рейнджеры. И прокурор. Все рядовые полицейские служили в армии, все охранники в тюрьме... Да они бы скорее мать родную арестовали, чем Трэвиса. Когда детективы приехали за ним, они

извинились за доставленные неудобства при его задержании. А знаешь, что он им в ответ? “Да ничего, ребят. Я виноват”.

– Он сказал, почему убил ее?

– Что бы он ни говорил, этого все равно мало. Вот взять меня – я же его адвокат, а он со мной почти не говорит. Но я выяснила, что он был одержим мыслью, что у нее есть кто-то другой. Ни для кого не секрет – девушка она была замкнутая. И о своем прошлом вообще не распространялась. Он говорит, это сводило его с ума. Он все задавал ей разные вопросы. А она не отвечала. Они ругались. Дошло до насилия. И вот – он ударил ее ножом.

– Грустная история.

– Всем в городе больно. И не только за него. За нее тоже. Она только приехала, но уже стала местной любимицей. Горе для всех...

Уинтер уже допил кофе. Он поднял руку, чтобы остановить официантку, которая собиралась налить ему еще. Откинувшись на спинку стула, он сложил руки под грудь. Стал рассматривать Викторрию, а она, чуть покраснев, позволяла ему это.

– Я рад тебя видеть, Вик, – сказал он.

Она кивнула.

– Сказать тебе честно? Я не ожидала, что все так хорошо сложится.

– И все ведь хорошо, да? В браке с Ральфом?

– Роджером.

– Да, Роджером. Я так и хотел сказать.

Виктория улыбнулась. И его очень тронула эта знакомая ему улыбка, этот взгляд. Он тоже был удивлен, что притяжение между ними осталось таким же сильным. Может, он еще способен что-то чувствовать.

– В браке все хорошо, – наконец сказала она. – Развертывание прошло тяжело. Он участвовал во многих операциях. Но он уже вернулся, скоро приедет и... У нас сейчас все хорошо. Правда хорошо.

– Хорошо, – повторил Уинтер, не отрывая от нее взгляд. – Так, а зачем ты меня позвала?

– Я прочитала, что ты разобрался с похитителями. И с делом о тех пропавших детях. Появился откуда ни возьмись и выследил преступников. Помню, ты как-то раньше зачитывался новостями, криминальными историями. Рассказывал о том, что, по-твоему, произошло на самом деле. И ты всегда говорил, что у тебя...

Она никак не могла вспомнить нужные слова, поэтому он напомнил:

– Необычный склад ума.

– Да, необычный склад ума, точно.

– Но я все равно не понимаю, чем я здесь могу помочь. У тебя есть доказательства. Его признание. Дело проще некуда. Что я должен сделать?

Она пронзила его таким взглядом, что его пробрало до костей. Непонятно, собиралась ли она этим взглядом угово-

рить его или просто так получилось случайно. Только вот теперь он был уверен, что готов землю перевернуть, но сделать все, что она попросит, даже если это будет что-то невыполнимое.

Она наклонилась к нему, посмотрела в глаза и сказала:
– Я хочу, чтобы ты доказал, что он невиновен.

3

Когда он приехал в Свит-Хэйвен, ярко светило солнце, но на газоне еще лежал снег. Бескрайнее, безупречно голубое небо раскинулось над городком – от начала до самого края. Виктория права. Это город из прошлого. Точнее, нет, из сна о прошлом, из того времени, когда все вроде должно было быть, как надо, но в реальности все всегда иначе.

Башня церкви взирала на аккуратные, ухоженные деревянные дома в викторианском стиле, украшенные рождественскими гирляндами. Ближе к центру города на административных зданиях из кирпича и камня висели рождественские венки и кресты. Просто знакомые, друзья и возлюбленные – все в зимних пальто – гуляли по парку, шли по тропинкам, выющимся по заснеженным холмам, переходили заледеневшую реку через каменные мосты. На одиноком зимнем берегу озера стоял мужчина, а перед ним ширились бесконечные сверкающие воды.

Уинтер видел все это, когда проезжал мимо на своем джи-

пе SUV. От этой картины он почувствовал прилив ностальгии. Он впервые задумался, может, это не память о Шарлотте тяготит его по мере приближения Рождества? Может, она лишь символ чего-то иного, что сокрыто глубоко, – чувства, что он безвозвратно потерял самое лучшее в своей жизни, а воспоминания о грехах стали нестерпимыми.

И вот мысль о том, что в его жизни больше нет этого лучшего, что некоторые грехи ему не искупить, вполне естественно привела его к мысли о Трэвисе Блэйке.

После того как они с Викторией вышли из бара “Номад”, она рассказала ему о жизни бывших рейнджеров. К тому моменту снегопад уже поутих, и они решили прогуляться по парку у Капитолия. Пока Вик рассказывала печальную историю, их плечи соприкасались уж слишком часто.

– Ты просто не можешь вернуться в страну, за которую сражался, – рассказывала Виктория. – Роджер так сказал. Ты просто не можешь вернуться к прежней жизни. Все кардинально меняется. Все! А в случае с Трэвисом – для него все поменялось в худшую сторону.

Когда он закончил колледж и пошел в армию, он был самоуверенным и обеспеченным наследником, успешно занимался конным фермерством. Его семья – мать, отец и сестра Мэй – не знавала никаких бед, вместе они были счастливым кланом.

В колледже Трэвис обручился с Патрицией Стэнтон, очаровательной и милой дочкой растущего среднего класса. Ко-

гда Трэвис уехал на базовую подготовку, Патриция переехала в Нью-Йорк и поступила в Колумбийский университет, чтобы получить докторскую степень в области связей с общественностью. Она надеялась, что сможет сделать карьеру на сборе средств для некоммерческих организаций. Перед ними вырисовывалось вполне ясное будущее, им было чего ожидать от него.

Трэвис даже не заметил, как их настигли финансовые трудности. Он уже прошел половину изнурительного восьминедельного курса по Программе оценки и отбора рейнджеров. И все последние крупницы и искры своего внимания, все старания он направлял на то, чтобы пройти испытания и справиться с той безжалостной полосой препятствий, которая отсеивала недостойных. А его отец, который знал, что это были за тренировки, не хотел отвлекать сына своими проблемами.

Трэвис начал понимать, что у родителей серьезные финансовые неприятности, когда был в Афганистане. Он слышал, какой напряженный голос был у матери, когда звонил из интернет-кафе для отдыха на базе передового развертывания “Калагуш”. Он и с отцом поговорил – увидел его компьютерное лицо на экране. Старик все подтвердил: они быстро распродают все активы, но не похоже, что ферму удастся сохранить.

У Трэвиса начался отпуск, и он вернулся домой. Там все были в каком-то волнении. Мэй, которая училась в колледже

в Огайо, заявила, что влюблена в женщину. Для Трэвиса это была не новость. Мэй всегда была такой маленькой хулиганкой, от которой только и жди беды, так что для него все встало на свои места. Но отца это просто потрясло. Он даже слов не находил, чтобы описать всю ту боль, которую причинила ему сексуальная ориентация Мэй, ведь это поменяло его самоощущение и понимание мира. Когда Трэвис уезжал обратно, мать и отец уже и друг с другом разругались, а сестра ни с кем не разговаривала, даже с ним. Вскоре после этого родители подались во Флориду. Так они надеялись сбежать от собственной неудачи и уменьшить расходы, чтобы спасти Большой дом и все, что когда-то было их несусветным богатством.

Но были и светлые моменты, которые затмевали стремительно ухудшающееся положение Трэвиса. Он женился на Патриции после того, как она закончила учебу. Она забеременела, родила девочку Лилу. А затем переехала в Свит-Хэйвен, поселилась в Большом доме и стала работать удаленно в качестве директора по связям с общественностью. Она занималась благотворительностью в пользу раненых ветеранов.

Спустя десять лет службы Трэвис ушел в отставку. На тот момент его дочери уже было четыре, и он не хотел пропустить ее детство. Вернувшись домой насовсем, он наконец осознал масштабы беды, в которую попала его семья. Отца настигла ранняя старость, и он яростно ругался на полити-

ков и банки, которые разрушили экономику страны. Мама стала вялой и плаксивой. Сестра кардинально изменилась, с пирсингом и татуировками она напоминала Трэвису дикарку, которая сбежала из лесов Амазонки. А затем случилось страшное, самое душераздирающее – он узнал, что его жена, страдающая от сильных приступов тревоги, в его отсутствие тайно занималась самолечением. Она подседа на обезболивающие.

Тогда самой главной заботой для Трэвиса была его дочь. Маленький серьезный и задумчивый комочек полностью захватил его сердце. Трэвис никого не любил так сильно. Она была его смыслом жизни. Он нашел работу в фирме, занимающейся переездами, но когда понял, что жена больше не в состоянии присматривать за ребенком, то работу ему пришлось оставить – и Трэвис стал сидеть дома. Время от времени у него появлялась работенка, связанная с консалтингом, а еще здорово спасал трастовый фонд, к которому его родители не прикасались – честь не позволяла.

И вот он случился – сокрушительный удар. Трэвис тогда в третий раз отправил жену в реабилитационный центр. Ночью разбушевался ураган, над озером, покрытым лиловым туманом, сверкала молния. Патриция разбила стулом окно на пятом этаже, нырнула в получившуюся дыру с острыми краями и разбилась насмерть об асфальт.

– Череда несчастий... – мягко подытожил Уинтер.

– Самая настоящая готика, я считаю, – сказала Викто-

рия. – Его это сломало. Он стал таким мрачным... Его друзья никак не могли связаться с ним и поговорить. Он просто взял и заперся в своем Большом доме. Но у него остался конь, его личный – черный жеребец по кличке Полночь. Люди видели, как он гоняет по утрам, как будто сам дьявол за ним гонится. Им казалось, что он хочет попытаться убить себя, умереть...

– Ох, он же не мог этого сделать, – сказал Уинтер.

– Конечно нет. Ребенок.

Лила была единственной, ради кого он жил, кого он оберегал.

До тех пор, пока не влюбился в Дженнифер Дин.

4

Уинтер добрался до отеля. Это была трехэтажная деревянная гостиница в колониальном стиле – такая же старинная и очаровательная, как и сам город, который словно вышел из причудливого американского прошлого. Уинтер поднялся по парадной лестнице на длинное крыльцо и подумал, что было бы просто замечательно усестись где-нибудь тут в кресло-качалку, чтобы час-другой провести вот так – глядя на озеро, простирающееся далеко за горизонт.

Когда он регистрировался, его встретило мелодичное и мягкое хоровое исполнение “Тихой ночи”, и эта песня следовала за ним, когда он поднимался в лифте на последний

этаж. Ее сменила другая песня, которую крутили по телевизору, что висел на стене, – “Придите, правоверные”. Уинтер слушал ее, разбирая свои вещи в большой светлой и уютной комнате с панорамным окном, выходящим прямо на озеро.

Закончив с вещами, он спустился вниз и сел в джип. Он отправился в начальную школу, где работала Дженнифер Дин.

Бездушная маленькая крепость из кирпича была закрыта на каникулы. Директор, Никола Этуотер, сказала, что у нее какие-то дела в кабинете и она встретит его здесь.

Уинтер решил прогуляться по пустым коридорам, по которым разносилось эхо его шагов. На стенах висели рисунки: квадратные дома с треугольными крышами и зигзагообразные елочки возле них. Он хотел со смешком отмахнуться от нелепого ощущения, что оставленному на Рождество зданию впрямь не хватает детей.

– Кажется, будто школа тоскует в одиночестве, да?

Уинтер вздрогнул от испуга – это что, кто-то озвучил его мысли? – поднял взгляд и увидел директора. Она ждала его возле кабинета в конце коридора.

– Как будто ей не хватает детей, – продолжала она.

Уинтер поймал себя на мысли, что, может быть, не такое уж и нелепое это ощущение.

Возможно, именно из-за Виктории он стал видеть странности Свит-Хэйвен. Возможно, она навязала ему образ города-клона, в котором все одинаковые. Но когда он ехал по

улицам города, он заметил, что многие мужчины действительно с военной выправкой: осанка прямая, чувствуется уверенность, но в то же время они спокойные, внимательные и любезные.

Уинтер подошел к миссис Этуотер и тут же понял, что она была женой военного. Что там говорила Виктория? Они “такие бодрые, здравомыслящие, суперзаботливые американские” женщины. Но в ней было еще кое-что, что-то иное. Миссис Этуотер – стройная, изящная женщина лет пятидесяти, со светлыми глазами и короткими черно-серыми волосами, обрамляющими привлекательное лицо цвета *café au lait*⁵. Что говорило о ее причастности к государственной службе, так это внешняя женственность, которая скрывала искрометную иронию внутри. “Не выносит человек, когда жизнь чрезмерно реальна”, – сказал один поэт⁶. А жены военных несли на своих плечах очень много реальности: от сводящей с ума бюрократии до вечных переездов и внезапного вдовства. Поэтому они либо стали относиться ко всему с шуточной иронией, либо озлобились на всех и погрязли во мраке.

– Пройдемте в библиотеку, – сказала миссис Этуотер. – Она там работала. Лучшее место, чтобы о ней поговорить. Они шли по унылому коридору, проходили мимо стен,

⁵ Кофе с молоком (*фр.*)

⁶ Здесь речь идет о Т. С. Элиоте, известном американско-британском поэте XX века. [*Прим. пер.*]

увешанных рисунками со счастливыми рождественскими сюжетами.

– Значит, вы работаете на адвоката Трэвиса, правильно я понимаю? – спросила миссис Этуотер по пути.

– Да.

– Разве он не сознался?

– Сознался. Но дело в том, что сознался он без соглашения о признании вины, поэтому приговор еще не вынесли. Если есть какие-либо смягчающие обстоятельства, мы должны убедиться, что судья о них знает.

Уинтер не мог с точностью определить, что думает на этот счет миссис Этуотер: злится ли она, что к Блэйку относятся так снисходительно, или она питает к нему некую нежность, даже сочувствует ему? В любом случае, она хорошо умела держать мысли при себе.

– Убийство Дженнифер – это ужасно, – сказала она твердо, но беззлобно. – Самое кошмарное несчастье, которое нам тут довелось пережить. Я даже словами вам не передам, как нам всем больно. Мы так ее любили... В ней было что-то волшебное. Может, это прозвучит банально, но мы все чувствовали это. И мы говорили об этом задолго до... случившегося. Я сразу увидела это в ней, когда она только появилась. А появилась она словно из ниоткуда! Мы даже не успели разместить объявление о вакансии. Я разговариваю с прежним библиотекарем, миссис Гиббс, спрашиваю, какие у нее планы, поднимаю взгляд и вижу у двери Дженнифер. Говорит:

“Я слышала, вы ищете нового библиотекаря”. Она уже поспрашивала в городе, видимо. Но она была слишком хороша для этой работы. В ней чувствовалась магия.

– Получается, она не отсюда?

– Нет. Честно говоря, никто даже не знает, откуда она. Нет, резюме она предоставила, конечно, но мы не знаем, откуда она родом. Она только сказала, что недавно была в неудачных отношениях и поэтому любые личные вопросы о прошлом ее ранят. В конце концов, мы перестали спрашивать. – Она подняла худые плечи, словно тем самым пытаюсь сбросить с себя все сожаления. – У нее был акцент. Правда, незначительный. Думаю, русский, хотя об этом она мне ничего так и не рассказала. Вы знаете, что, когда она умерла, полиция днями напролет пыталась найти ее ближайших родственников? Никого! Ее фото даже крутили в СМИ пару дней. Оно попало в новости, но... Никто так и не объявился.

– Да, я читал об этом. Странно, учитывая, что вы все ее любили и полагали, что будут и другие люди, которые также ее любили.

– Да... – задумчиво протянула миссис Этуотер. – Она всегда – не знаю, какое слово тут больше подойдет – принимала, а не давала. Ты говоришь. Она слушает. Позже ты понимаешь, что рассказал о себе все, и тебе становится от этого лучше. Она каким-то чудесным образом успокаивала. Но при этом она ничего тебе не расскажет. Вообще ничего. Поэтому она напоминала, не знаю, привидение, что ли. Или анге-

ла. Что-то подобное, она была скорее духом, нежели плотью.

Они пришли в библиотеку. На тонком поясе серого платья миссис Этуотер висела связка ключей, из которой она выудила один. Пока она открывала дверь, Уинтер спрашивал:

– И в этом заключалась ее “магия”? В духовных качествах?

Миссис Этуотер открыла дверь и придержала ее, пропуская Уинтера.

– Думаю, да. Она была тихая, спокойная. И добрая. Она прям излучала... Не знаю, нежность? Любовь и добродушие. Дети ее обожали.

– Судя по тому, как вы ее описываете, думаю, так и было.

Дверь захлопнулась. Теперь они находились в вытянутом зале, на всех стенах висели полки с книгами. Вокруг длинных столов – детские стулья. Стены также были украшены яркими вырезанными фигурками персонажей из детских книг – вот мальчик, мишка и принцесса в замке. В детстве книги заменяли Уинтеру друзей, поэтому он знал всех этих героев и рассказы, все до единого.

Когда миссис Этуотер включила свет, внимание Уинтера привлек стол библиотекаря. На нем лежали собрания детективов, которые так и влекут к себе мальчишек. Уинтер мягко улыбнулся. Мия читала ему это все. Тома стояли на краю полукругом. А прямо посередине лежала книга, которая не входила в это собрание. На обложке была впечатляющая и причудливая иллюстрация. За сплетением ветвей сто-

яла женщина, похожая на призрак. Стояла она на одиноком холме возле величественной разрушенной башни, а у подножья простиралась небольшая деревушка, за которой виднелось озеро. Изображение для самого настоящего романа.

– Это ее работа, – сказала миссис Этуотер, встав позади стола.

Уинтер в изумлении посмотрел на нее.

– Дженнифер Дин? Это она нарисовала?

– Да, под конец, до того, как она... До случившегося. Она вообще всю книгу проиллюстрировала. Здорово, правда? Она и историю эту сочинила. А потом собрала все это воедино и сделала книгу для детей. Она чудесная! История про призрака, который живет в башне. Дети пугают друг друга байками об ужасных вещах, что случились с этой девушкой при жизни, рассказывают друг другу, каким кровожадным и мстительным духом она должна стать после всего этого кошмара. Но один мальчик решается пойти туда и узнает, что дух она на самом-то деле добрый и очень красивый.

Уинтер бегло просмотрел книгу.

– Да, потрясающие иллюстрации.

– Секунду, – сказала миссис Этуотер. – Я сейчас вам кое-что покажу.

Она вбила что-то в компьютере, а затем повернула монитор к Уинтеру. Там было видео, на котором Дженнифер Дин сидит на деревянном стуле и читает небольшому кругу детей. Хотя звук был довольно тихий, Уинтер все равно услы-

шал акцент – все-таки русский.

А еще Уинтер сразу же заметил то, что директор описывала как “волшебство”. Это спокойствие и доброта. Дженнифер, стройная, с изящными изгибами, сидит неподвижно, но удивительно элегантно, и только ее руки шевелятся – и с каким изяществом! – когда она перелистывает страницы. У нее абсолютно черные, иссиня-черные волосы, стрижка боб. Длинные передние пряди обрамляют округлый подбородок и мягкое, женственное лицо с пухлыми щечками. Дети смотрят на нее с искренним интересом и обожанием.

У него вырвался долгий, глухой и рваный выдох.

– Да. Мы все это чувствовали, – сказала миссис Этуотер. Она продолжала спокойно, беззлобно: – Хочу, чтобы вы видели эту картинку перед глазами, мистер Уинтер. Видели, когда будете искать так называемые “смягчающие обстоятельства”. Хочу, чтобы вы понимали, кого зарезал Трэвис Блэйк.

5

Вечер наступил рано. Небо становилось темным, насыщенно-синим, и Уинтер направлялся в сторону Большого дома Трэвиса. Он представлял себе, как Дженнифер впервые посетила это место.

Миссис Этуотер сказала, что Дженнифер приехала из-за Лилы, дочери Трэвиса. Ей уже почти семь. Тихий, задумчи-

вый мышонок без матери, и никто из учителей не может до нее достучаться.

Но зато она, как и все дети, была очарована спокойной, загадочной и в то же время мягкой библиотечаршей, которая только пришла в эту школу. Она постоянно поглядывала на нее, как обычно это делают возлюбленные – то украдкой выглянет из-за книги, то встанет и станет неотрывно, замороженно на нее смотреть.

Наконец Дженнифер Дин, подловив нужный момент – у нее, видимо, чутье было, – подошла к ребенку и села напротив нее на маленький стульчик у библиотечного стола. Она протянула ей книгу и спросила:

– Почитаешь мне, Лила?

Книга была для детей постарше – может, двенадцати лет. Но Лила без проблем читала слова и понимала их значение, а Дженнифер это уже откуда-то знала. Закончив читать, девочка выжидающе посмотрела на Дженнифер. Она даже не подозревала, как выдает себя.

– Ты живешь в том Большом доме над Гранд-стрит, да? Который на холме, на дальнем берегу реки? – спросила Дженнифер.

Лила важно кивнула. Карие глазки не отрывались от лица библиотечарши.

– Там еще человек на черном коне катается.

– Это мой папуля.

– А где мамуля?

- Она себя убила, – ответила Лила.
- Ох, извини, это... Это так грустно.
- Да это давно было.

После этого Дженнифер дважды звонила Трэвису Блэйку. Он ни разу ей не ответил. В первый раз она оставила ему голосовое сообщение. Он не перезвонил. Во второй раз она сама положила трубку, дождалась свободного времени и поехала в Большой дом, чтобы встретиться с ним лично.

И вот Уинтер подъехал к этому дому, примчал на джипе по длинной ухабистой дороге. Снег тут давненько не убирали, но колея осталась. Возможно, от полицейских машин. Дом стоял на склоне холма, и поэтому Уинтер увидел его только тогда, когда дошел до вершины. Вот и оно – низенькое чудище из серо-белого камня, заброшенное и пустое. У стен – сугробы старого снега. И балкон над знаменитым портиком с колоннами тоже завален снегом. А высокие темные створчатые окна взирают на него с трех огромных фронтонов.

Боже, какой жуткий дом! И эти окна – они похожи на глаза покойника. Входная дверь опечатана желтой полицейской лентой. Нет, это место точно никогда не знало радости. Бедный ребенок... Уинтер знал, что Лила сейчас у тети Мэй, сестры Трэвиса, у которой пирсинг и какая-то безумная прическа. Но если есть в Мэй хоть крупица доброты и живости, то, где бы они сейчас ни находились, там будет куда светлее для маленькой девочки, чем здесь.

Впервые Дженнифер Дин приехала сюда в апреле. В этих краях был сезон штормов. Примерно каждый третий день над водой сгущался плотный пугающий фиолетовый туман, который внезапно становился в разы ярче, когда в нем сверкали молнии. А затем шел проливной дождь. Когда он заканчивался, туман расплзался по городу, отчего все вокруг становилось таким мрачным и мутным.

Когда Дженнифер Дин приехала сюда в тот день, стоял именно такой туман. Уинтер представил себе, как одиноко и жутко ей было, когда она вылезала из своего старенького разваливающегося “шевроле”, как она дрожала перед тенью окутанного туманом особняка. Холм утопал во мраке, ничего не было видно. И тишина, которую нарушало лишь мерное “кап-кап” с веток.

Даже для такой молчаливой девушки, как Дженнифер, было тяжело скрывать столь драматичную историю их первой встречи. Миссис Этуотер пересказала ее Уинтеру, а он, в силу своей необычной привычки, сам додумал некоторые детали.

Дженнифер постучала. Тишина. Она беспокойно и неуверенно потянулась к ручке, чтобы открыть дверь. Заперто. Тогда она обернулась и стала всматриваться в густой расплзающийся туман. В гараже стояла машина Трэвиса. Дженнифер видела этот старый пикап, когда он приезжал за дочкой в школу. Если пикап здесь, значит, и Трэвис должен быть поблизости.

Она подумала, что где-то тут должны быть конюшни, и в одной из них, возможно, черный конь, Полночь. Но она не могла увидеть в тумане ни одной постройки. Поэтому она отошла от дома и стала бродить неподалеку, чтобы их найти.

Она не так уж и далеко ушла – по ощущениям вообще едва отошла, – но стоило ей лишь бросить взгляд через плечо, как вдруг и “шевроле” пропал из виду, и дом исчез. Все поглотил туман.

Дженнифер была не из тех женщин, кого легко напугать, но в тот момент, когда она поняла, что потеряла все свои вещи и путь обратно, внутри заклокотала тревога. Она повернулась в одну сторону – туман. В другую – тоже туман. И вот она повернулась в третий раз.

Из тумана выскочил дикий черный конь – зубы скалит, белые глаза вращаются! Он появился так тихо и неожиданно, что почти налетел на нее до того, как она вообще поняла, что тут кто-то есть. Дженнифер закричала и беспомощно вскинула руки, когда Полночь встал на дыбы, а всадник заревел, точно зверь, пытаясь совладать с поводьями.

Конь уже почти скинул его. Почти втоптал Дженнифер в землю. Но Трэвису удалось совладать с ним и развернуть его копыта, которыми он бил в воздухе. Дженнифер шагнула назад, держа скрещенные руки перед лицом.

Фыркнув, Полночь опустился на землю. И наконец успокоился.

Уголок губ Уинтера дернулся вверх, когда он представил

себе эту сцену. Виктория говорила, что жизнь Трэвиса Блэйка – самая настоящая готика. И правда ведь! Эта драматичная встреча напоминает сцену из книг Шарлотты Бронте. Точнее, она выглядела так в его уме, когда он, профессор английской литературы, нарисовал себе эту картинку.

Тяжело дыша, Дженнифер подняла взгляд на всадника, окутанного туманом. Трэвис посмотрел на нее сверху вниз, его губы искривила злая ухмылка. Полночь пыхтел, и у его ноздрей кружился туман.

– Кто вы? – рыкнул Трэвис.

Дженнифер медленно опустила руки. Неторопливо и глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

– Я Дженнифер Дин. Из школы, – ответила она. – Я звонила вам. Оставила сообщение...

– А, точно, – сказал Трэвис. Конь под ним беспокойно перебирал копытами. – Зачем вы сюда приехали?

– Вы не перезвонили.

– Я не хотел с вами разговаривать.

Дженнифер Дин вздернула подбородок. Трэвис все ухмылялся, глядя на нее. Но она была спокойна, сдержанна со свойственным ей изяществом. Она пристально смотрела на Трэвиса, когда конь заржал и подошел слишком близко.

– Я знаю, что вы не хотите говорить со мной. Но вам придется.

“Вечерний звон и сумерки,
Наступит темнота!”

Уинтер вдруг вспомнил эти строки, когда тем же вечером сидел в кресле-качалке на крыльце и смотрел, как за перилами утопает в тени огромное озеро. И где-то там в самом деле звенел колокол. Возможно, это колокол на буйке, который качается на волнах, и он издает такой жалобный звук, похожий на стихи. И не этот ли поэт писал:

“Громкие колокола, звоните ради бурного неба,
Ради плывущих облаков и ледяного света...”

Небо там в самом деле бурное, и облака плывут в ледяном свете почти полной луны.

Лорд Теннисон, должно быть, описал этот час и тем самым воплотил его в жизнь.

Уинтер лелеял свою печаль, запивая ее бурбоном. От одного он устал, а ко второму относился с осторожностью. Но он не собирался впадать в забытие, ему просто хотелось все прояснить и обрести немного покоя. Он вспоминал первую сессию с Маргарет Уитакер, которая состоялась несколько дней назад. Вспоминал, как она изучала его руки. Как под

взглядом ее умных бледно-зеленых глаз он чувствовал, будто с него сорвали маску прошлого, и он стал уязвимым. Она знала, ну, или догадывалась, подозревала, что он сделал многое, что за его спиной смерть – смерть, которую он довольно часто приносил этими самыми руками. Иногда это были руки злодеев, но убивали они из-за него, а это еще хуже.

Он закутался в теплую дубленку и отхлебнул своего напитка – но так, совсем чуть-чуть. Не хотелось приводить настроение в порядок при помощи алкоголя. Он знал много мужчин, которые спускались в эту яму все ниже и ниже, пока улыбающийся дьявол сжимал им горло.

Да одним бурбоном и не обойдешься, чтобы удалить из памяти видео с Дженнифер Дин, чтобы стереть слова: “Хочу, чтобы вы видели эту картинку перед глазами. Хочу, чтобы вы понимали, кого зарезал Трэвис Блэйк”.

Он почти – почти, но все равно недостаточно сильно – почувствовал на уровне эмоций то, что могло произойти. И он почти – но все же недостаточно хорошо – соединил все ужасы, которые ему довелось пережить, с тем, что он узнал о Трэвисе, чтобы создать образ человека, способного забрать жизнь такой девушки, как Дженнифер Дин. Трэвис, солдат с “Серебряной звездой”, вернувшийся с войны. Он ведь только и делал, что защищал свою страну? И что Бог ему за это дал? Родители разорены, сестра слетела с катушек, жена покончила с собой, а за ребенком, которого он обожает, он толком не умеет присматривать. Ты просто не можешь вернуть-

ся в страну, за которую сражался. Ты просто не можешь вернуться к прежней жизни.

Трэвис заставил Дженнифер ждать. Сперва он повел ее за собой, когда отводил Полночь в конюшню. Наверняка ей не понравилось, что она должна следовать за ним, пока он едет верхом, при этом стараться не отставать, а ведь на земле снег и грязь – каблуки просто проваливаются. Но и оставаться здесь ей тоже не хотелось, не хотелось потеряться в этом тумане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.